

УДК 070.11; 929

DOI: 10.17223/26188422/4/6

Т.П. Шастина

МЕДИЙНАЯ ЛИЧНОСТЬ В КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ НАЧАЛА XX в.: ХУДОЖНИК Г.И. ГУРКИН¹

Статья представляет собою опыт вычленения в медиаобразе томской губернской действительности начала XX в. персонажной составляющей. Главная задача – проследить пути создания и репрезентации в СМИ медийной личности сибирского масштаба. Образцом такой личности в статье становится первый профессиональный художник из сибирских инородцев, алтаец Г.И. Гуркин. По преимуществу на материале газеты «Сибирская жизнь» прослеживаются приемы целенаправленного формирования при участии Г.Н. Потанина образа Г.И. Гуркина как самого известного человека из сибирских инородцев.

Ключевые слова: Г.И. Гуркин, Г.Н. Потанин, художник, алтаец, образ Алтая, газета «Сибирская жизнь», газета «Жизнь Алтая».

Новейший виток процесса исследования истории томской журналистики начинается с конференции «150 лет периодической печати в Сибири» [1]. Появление в последовавшее за ней десятилетие ряда обобщающих работ [2, 3], рассмотрение этого явления региональной культуры в общероссийском контексте конца XIX – начала XX в. [4] открывает новые перспективы исследований, сдвигая вектор с *media in place* на *place in media*. Постепенно на первый план выдвигается задача изучения персониферы журналистики Томской губернии. Вслед за Вс.М. Крутовским [5] и А.В. Адриановым [6] современные исследователи начинают высвечивать личности учредителей, редакторов, сотрудников томских газет (см., например, [7]), но впереди еще огромная работа по раскрытию многочисленных псевдонимов и по выявлению полного круга сотрудников того или иного издания, клю-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (грант № 18-412-040007 p_a).

чевых персонажей и событий, формировавших медиаобраз губернской действительности.

Этот образ невозможно реконструировать без обращения к медийным личностям. Местная пресса (по самоопределению «Сибирской газеты», еще в последней четверти XIX в. – «юная и не оперившаяся еще печать»), осознавая ответственность нарождающегося печатного слова в формировании общественного мнения в такой специфической части империи, как Сибирь, изначально подчеркивала необходимость «строго и беспристрастно следить за действиями и приемами деятелей на всех поприщах общественной и государственной жизни» (Сибирская газета (далее – СГ). 1886. № 3. Ст. 69). Подводя итоги развития *общественной жизни* г. Томска в первом десятилетии XX в., Вс. Крутовский, в частности, исходил из того, что периодика и искусство могут служить «показателем известной степени культурного развития» [5. С. 279] регионального общества. Из всех видов искусства в Томске с конца XIX в. начинает активно развиваться изобразительное искусство, создается Томское общество любителей художеств, сыгравшее значительную роль в культурной жизни Томской губернии [8. С. 343–344]; первоначально подобные этому общественные объединения служили «передаточными органами, пересаживающими духовное богатство из центра на окраины» [9. С. 98]. Начало процесса децентрализации в сибирском искусстве Г.Н. Потанин связывал с возникновением «местного самостоятельного творчества». Таковое, безусловно, можно рассматривать с момента появления в культурной жизни г. Томска художника-алтайца Григория Ивановича Гуркина (Чорос-Гуркин, 1870–1937 [10]).

Его возведение в статус первого собственно сибирского художника¹ – результат целенаправленной деятельности СМИ, прежде всего – газеты «Сибирская жизнь». Гуркин становится настоящей медийной личностью: после первой персональной успешной выставки 1908 г. в Томске пресса начинает внимательно следить за его творчеством, анонсирует и освещает все последующие выставки художника, информирует читателей о его ближайших планах, о ходе и результатах

¹ И закрепление в этом статусе на общероссийском уровне – ведь сибирские областники развивали постулат, актуальный и ныне: «Лучшее из локальных миров должно поступать в Центр и превращаться из провинциальных произведений в общенациональные» [11. С. 18].

его летних поездок по Алтаю¹, публикует его литературные опыты, описывает его усадьбу (резиденцию) в селении Анос (ныне – Чемальского района Республики Алтай), сообщает, кто из известных томичей бывает у него летом в гостях, кто останавливается в Аносе по пути следования научных экспедиций². Г. Гуркин позиционируется как личный друг Г.Н. Потанина, объединявшего и собиравшего все, «что могло служить просвещению и развитию масс и поднятию их умственного уровня» [13. С. 144].

Потанин первым и представляет Гуркина массовому читателю:

«Григ. Ив. Гуркин, по происхождению алтаец, учился предварительно в иконописной мастерской в Улале писать иконы, правильное сказать, копировать их; с натуры же писать он начал самоуком. Он – пейзажист; с небольшим альбомом своих работ он выехал в Петербург; здесь сразу оценил его дарование профессор И.И. Шишкин, под руководством которого он и начал заниматься; но ему удалось проработать у Шишкина только одну зиму. Г. Гуркин продолжает учиться в Петербурге, но каждое лето наезжает на свою родину в Алтай, в селение Анос (ниже Чемала). Он поставил своей задачей познакомить Россию с картинами Алтая» (Сибирская жизнь (далее – СЖ). 1903. Илл. приложение к № 195).

¹ В одной из первых томских губернских газетных публикаций об Алтае – в этнографическом описании подпоручика Межевого корпуса Я. Попова «Алтай» уточняются пространственные пределы этой окраины Томской губернии: «Горная сторона Катуня со всеми притоками и по Чую называется Алтаем, а правая к Телецкому озеру и по реке Бие – Чернью. На всем этом пространстве живет народ добрый, гостеприимный и до такой степени смирный, что кажется один казак мог бы завоевать весь этот край! Народ этот называется Калмыками. Как Алтайские Калмыки, так и Черновые носят одно и то же платье, имеют одни и те же обычаи, одни и те же предания, только наречия их немного разнятся между собою» (Томские губернские ведомости (далее – ТГВ). 1858. № 41. С. 328).

² Другому томскому «проводнику искусства в массы» – уроженцу Барнаула художнику А.Э. Мако пресса уделяла гораздо меньше внимания, хотя и он отдал дань алтайскому пейзажу (см. подробнее [12]). Ранее Гуркина, в последней четверти XIX в., Мако создал художественную мастерскую на своей заимке «Рыбнушка» близ с. Черга (ныне Шебалинского р-на Республики Алтай), где арендовал 250 десятин земли и имел двухэтажный жилой дом и значительное поголовье домашней живности и птицы (СЖ. 1904. № 192); каждое лето выезжая туда на этюды. Художник с увлечением разводил там породистых лошадей и охотничьих собак и любил их рисовать.

В этом же выпуске иллюстрированного приложения (эта форма издания находилась непосредственно в ведении Г.Н. Потанина [13. С. 145]) анонсируется первая сибирская передвижная художественная выставка, только что перевезенная из Красноярска в Томск. Гуркин, выставивший тогда в экспозиции всего две работы, снова подается как «уроженец Алтая и алтаец родом», т.е. Потанин четко начинает проводить основную линию презентации этой творческой личности: вот настоящий сибиряк-художник, да еще и родом с отдаленной окраины, да еще и этнический алтаец.

Эта мысль тут же была подхвачена и развита местным сообществом. Так, инспектор семинарии священник П. Сысуев, в записках «От Улалы до Чемала и Чопош (К истории Алтайской миссии)»¹ рассказывая о своем путешествии с томским викарием Иннокентием по Алтайской миссии летом 1905 г., не только насыщает текст ландшафтными описаниями в духе горных пейзажей Гуркина (Томские епархиальные ведомости (далее – ТЕВ). 1905. № 17. С. 13), подчеркивая тем самым эстетический потенциал природы в районе горного курортного местечка Чемал, но и практически повторяет презентационную формулу Потанина:

«...гора Кая. У подошвы ее приютилась алтайская деревенька Онос. Здесь между прочим живет в настоящее время художник Гуркин, пейзажист Алтая; алтаец по происхождению, ученик улалинской миссионерской школы, он теперь заканчивает свое художественное образование в Академии Художеств, а по летам работает на Алтае» (ТЕВ. 1905. № 18. С. 3).

В Сибири, где для «художественного образования и развития любви к искусству в местном обществе еще ничего не сделано», Потанин прочит Гуркину, при условии, что тот сосредоточится на «наблюдении родного ему Алтая», роль «Алтайского Каляма» (СЖ. 1903.

¹ Стилистика описания Сысуевым курортного местечка Чемал и его окрестностей отсылает к кавказской романтической теме «на водах», свидетельствуя о прекрасной осведомленности автора в светской литературе: «Трудно представить себе что-либо более живописное, как эта семиверстная дорога от Узнези к Эликуману. Все время вы едете берегом Катюни по чудной тенистой аллее и не можете надыхаться целебным сосновым ароматом. В этом бору вам начинают попадаться уже дачники. Вот проехал верхом изможденный офицер, он только недавно раненный вернулся с Дальнего Востока» (ТЕВ. 1905. № 18. С. 2). Но в отличие от кавказских, газеты называли местных курортников по основному фактору оздоровления «воздушниками», реже – «кумысниками».

Илл. приложение к № 195). Возможно, художественная планка, заданная Потаниным, и определила дальнейшее развитие творчества Гуркина – его пейзажам, как и работам, пожалуй, самого известного швейцарского пейзажиста Александра Калама (Alexandre Calame), нельзя отказать ни в эпичности, ни в романтичности. Превалирование же пейзажа над жанром в сибирской живописи рассматриваемого периода было позже с имагологических позиций объяснено Потаниным:

«Уже и теперь существует художественная производительность в Сибири, дающая возможность устраивать ежегодно публичные выставки в Томске. Пока эти выставки имеют значение для технического усовершенствования живописи; содержание картин бедно. Интересных сюжетов не появляется. На выставках господствует пейзаж, что объясняется характером спроса со стороны томского общества. Покупателем на выставках является главным образом образованный, получающий большое жалованье, чиновник. Это пришлый человек, который намерен рано или поздно оставить Сибирь и хочет увезти произведение, которое напоминало бы ему годы, проведенные в Сибири, увезти что-нибудь оригинальное, резко напоминающее край. Этому теперь больше всего отвечает пейзаж. Местный жанр не вызывает спроса у этого покупателя, у которого нет интереса к местной, чуждой ему по воспитанию и детским воспоминаниям жизни» [9. С. 98].

С подачи Г.Н. Потанина первая персональная выставка Гуркина в Томске в начале 1908 г. была интерпретирована в СМИ как художественное открытие – рождественский подарок томичам и освещена в СЖ (1907. № 189, 199; 1908. № 2) в духе практического воплощения областнических идей¹ – художник-алтаец добровольно возвращается из Петербурга в Сибирь, чтобы служить землякам своим искусством². Был найден интересный рекламный ход: выставку предваряла публикация литературного опыта Гуркина – стихотворения в прозе «Алтай (плач алтайца на чужбине)», свидетельствовавшего о всесторонней одаренности алтайского самородка. Не имея возможности сравнить этот текст с другими вербальными опытами художника той поры,

¹ Г.Н. Потанин подчеркивал в письме В.И. Семевскому: «Я потому и предпочитаю печататься в “Сибирской жизни”, что это дает мне возможность свободно писать для исключительно сибирской аудитории, вдаваясь в рассуждения об областничестве» [14. С. 118].

² Об освещении выставки Г.И. Гуркина в СЖ 1907 г. см.: [15. С. 404–406].

кроме эпистолярия¹, мы можем предположить, что к редактированию произведения приложил руку Г.Н. Потанин; нет сомнения в том, что редакционное примечание к тексту могло быть написано только им – другого знатока фольклора алтайцев на тот момент не было².

Первая часть стихотворения в прозе «Алтай (плач алтайца на чужбине)» строится на развертывании мотива отрыва от корней, в ней усматривается не только автобиографическое начало, но и характерный областнический мотив противопоставления столицы и провинции:

«Далеко, далеко на чужбине я от тебя, мой милый, дорогой Алтай! За сотни, за тысячи верст! Я здесь один, я им чужой, и мне чужда их природа. Их шум, толкотня и блеск надоели мне. Мне скучно здесь, мне здесь грустно! И меня зовет и манит туда к тебе, мой любимый, славный Алтай! Туда к тебе на простор, на свободу!» (СЖ. 1907. № 196).

Во второй части текста происходит перевод Алтая в пространство воображения *художника*: географическая отдаленность от Алтая в петербургский период жизни заставила уже визуально закрепленный в пейзажах образ Алтая перекодировать в ментальный, распространить этот образ на всю историческую глубину народной памяти (алтайской мифологии) и создать гимн мощи, нетронутости и первобытности горного пространства. В третьей части в естественное, от днй творения существующее природное пространство вписывается человек-инородец³ в областнической колониальной трактовке, «угнетенный другим народом, которому чужд Алтай». Этому естественному человеку (народу Алтая) создатель Ульгень в момент творения предоставил механизмы защиты от тлетворного влияния внешнего мира,

¹ Гуркинское эпистолярное наследие еще не было предметом специального изучения. Редкие публикации его писем времени написания стихотворения в прозе [16. С. 52] свидетельствуют, что художник владел эпистолярной культурой, распространенной в среде алтайских миссионеров, в которой Гуркин получил образование.

² Следует заметить, что во второй половине XIX в. томские газеты активно освещали ход изучения губернских окраин, в «Томских губернских ведомостях» были напечатаны труды первых исследователей Алтая и его инородческого населения (см. обзор [17]); там же вышел основательный этнографический труд св. В. Вербицкого «Алтайцы» (ТГВ. 1869. № 30–33, 35, 37–42, 44–47, 49, 50; 1870. № 1–5, 7–13, 16–19).

³ О внимании губернской журналистики к инородческим культурам Сибири и, в частности, к алтайской см. [18].

поддерживаемые языческими верованиями – «таинственным культом». Финальную часть произведения можно назвать автотематической – художник подчеркивает особую художественную одаренность алтайцев, которым дана возможность «петь о красоте своих гор»; пусть певец жалок, пусть он в бедном рубище, но у него есть «золотая струна», которую – особенно в минорной тональности – способен слышать Алтай как двуединое божество, как Творец и Творение.

В редакционном пояснении к тексту определен жанр произведения и подчеркнуто – уже традиционно для этой медийной личности – этническое начало (природный алтаец), а также указан источник образной системы – историческая народная песня¹. Центральный мифопоэтический образ этой песни – Хан-Алтай – переходит в текст Гуркина и предваряет тем самым знакомство читателя газеты с центральным полотном готовящейся выставки художника в Томске – с картиной «Хан-Алтай»².

В каталоге выставки 1908 г. эта картина стоит под номером первым. Вот как ее описывает и комментирует Г.Н. Потанин в статье «Этнографическая часть выставки Г. Гуркина»³:

«Картина “Хан Алтай” № 1 не представляет в своем целом снимка с определенной местности; это композиция по этюдам, сделанным среди вечных снегов Алтая. Художник хотел в этой картине дать синтез впечатлений, которые восприимчивый человек уносит с собой, постранировав между алтайскими белками, тех настроений, которые породили в первобытном жителе Алтая религиозное чувство к его белкам, живущее и в нынешнем поколении обитателей этих гор.

Алтай Киж, т.е. алтайский инородец одухотворяет Алтай: в его глазах это не мертвый камень, а живой дух. Продукты горной природы он принимает как дары, которыми Алтай сознательно осыпает своих обитателей; поэтому человек выражается, что у пустыни длань сжата в кулак, а

¹ Первая запись «Песни о разорении Алтая» известна по публикации ТГВ (1858. № 41. С. 333); в переводческой истории этого фольклорного текста имена В. Вербицкого и Н. Ядринцева.

² Заметим, в современных литературоведческих трактовках стихотворение в прозе «Алтай (плач алтайца на чужбине)» не связывается с газетным контекстом [19. С. 130–139].

³ В статье Потанин вновь подчеркивает принадлежность Гуркина к «племени, населяющему алтайские долины; племя это говорит тюркским языком, но культуру усвоило монгольскую, а не туркестанскую, как киргизы, за что русские ошибочно называют это племя калмыками» (СЖ. 1907. № 198).

длань щедрого Алтая раскрыта. Он проникается благодарностью и уважением к своей горе, а величие снежных вершин внушает ему и боязнь перед горой. Он не может назвать гору иначе как хан Алтай, т.е. “царь-Алтай” или “царственный Алтай”» (СЖ. 1907. № 198).

В дальнейшем Г.Н. Потанин¹, старавшийся после возвращения на жительство в Томск каждое лето приезжать к Гуркину на Алтай, найдет эффектный прием для привлечения внимания томской интеллигенции² к творчеству своего друга – он впишет его усадьбу в селении Анос в топографию пространственного образа «чемальский тупик» (СЖ. 1909. № 162; 1910. № 141–142; 1912. № 135), прочно ассоциирующегося с летними курортными впечатлениями³, будет подчеркивать сам – и корреспонденты СЖ, что в Аносе у Гуркина располагается и интеллектуальный центр «тупика», и экскурсионный объект – мастерская художника. Так, в заметке «Селение Анос (Экспедиции и курорты)» Потанин пишет:

«14 июля из Аноса художники гг. Никулин, Гуляев, ученики казанской рисовальной школы и г. Кузнецов, ученик Гуркина, выехали в Онгудай, откуда перевалят через Теректинский хребет и попытаются из Катанды подняться до Белухи.

19-го из Аноса выехал в Петербург геолог С.А. Яковлев, окончивший свои работы в долинах Чемала и Кадрина.

¹ Г.Н. Потанин в начале XX в. сам был ярчайшей медийной личностью в Томской губернии, и пресса постоянно сообщала о событиях в его жизни, например: «Отъезд Г.Н. Потанина. Завтра, 27 апреля, на пароходе “Владимир” отъезжает на Алтай Г.Н. Потанин. Как и в прошлом году, он будет жить в с. Анос в доме художника Г.И. Гуркина и посвятит свое время, с одной стороны, собиранию растений альпийской флоры, а с другой рассчитывает закончить пересмотр своего исследования по фольклору “Легенды о Соломоне”» (СЖ. 1911. № 91). Газета не преминет сообщить даже о том, что пароход «Владимир» опаздывал, и Потанину в тот раз пришлось уехать 29-го числа на пароходе «Воткинский завод».

² «Контингент чемальских “воздушников” или как их называют алтайцы за соломенный шляпы “саламдаров” в значительной степени состоит из лиц, принадлежащих к действительной, а не сомнительной интеллигенции. Больше всего, кажется, учительницы и учителя. Провертывается иногда присяжный судья, медик, поэт из Томска, профессор института или университета. Множество дам из тех же рядов интеллигенции. Этот сорт путешественников резко отличает долину Катани от Чуйского тракта...» (СЖ. 1909. № 162).

³ В 1905 г. в Чемале миссией была при содействии Преосв. Макария была построена особая «санатория» – два дома для помещения больных дачников – «воздушников» (ТЕВ. 1905. № 18. С. 6).

Г. Анохин, объехав всех шаманов, живущих в системе Аноса, с вершины этой реки спустился на Катунь у дер. Апшийякту (30 верст выше д. Анос) и оттуда выехал в Анос. Его сотрудниками и им самим собран большой материал о шаманстве; г. Никофоровым записаны тексты шаманских молитв; художницей А.А. Ворониной вывезены многочисленные рисунки бубнов, шаманских мантий, курмежеков (идольчиков) и др. предметов» (СЖ. 1910. № 170).

Крошечная, в 26 дворов [20. С. 630–631], деревушка Анос к 1910 г. для широко круга читателей СЖ превратится в своеобразное культурное гнездо и научную «резиденцию» круга Г.Н. Потанина¹. Поясним: прошедшая в Томске в 1910 г. вторая выставка картин Гуркина уже без сомнения утвердила в губернском культурном пространстве за художником-алтайцем роль медийной личности, о чем свидетельствует появление эпитета *известный* при упоминаниях о событиях его жизни. В рубрике «Томская жизнь» появляются характерные анонсы:

«К выставке художника Г.И. Гуркина

На днях в Томск приехал с Алтая известный сибирский художник Г.И. Гуркин, который в непродолжительном времени предполагает устроить выставку своих новых картин. Как мы слышали, на этот раз г. Гуркин выставит 20 более или менее крупных картин и очень много этюдов. Кроме означенных работ на выставке будут фигурировать многочисленные фотографические виды Алтая, сделанные братом художника С.И. Гуркиным» (СЖ. 1910. № 34).

«К выставке картин Гуркина

Завтра в среду 3 марта открывается выставка картин талантливого алтайца-художника Г.И. Гуркина, знакомого уже томской публике по прошлой выставке.

¹ В переписке Потанина гуркинский Анос, «богатый и авторитетный наукой», станет «Геттингеном и Мюнхеном» и аллегорично будет представляться через образы «Путешествия по Гарцу» Г. Гейне [14. С. 108]. Весьма примечателен факт, который приводит Потанин как свидетельство довольно высокого для сибирской окраины уровня образованности местного населения: в Чемале он дружил со священником Павлом Сорокиным, на которого «...когда-то был донос Макарию, будто он вынул из иконостаса иконы Богоматери, Спасителя, Николая Чудотворца и на их место поставил портреты Льва Толстого, Максима Горького и Леонида Андреева. За это он был сослан в Нарым. Выписывает “Русские ведомости” и “Русское богатство”» [14. С. 109].

Выставка помещается в одном из больших залов общественного собрания. Плата за вход 30 к., с учащихся 15 к.

В 224 экспонатах (картины, этюды, рисунки) художник представляет почти весь мощный, особенный и красивый Алтай. Ученик знаменитого художника Шишкина Г.И. Гуркин на этот раз является не только пейзажистом, но дает алтайского человека, хотя и заявляет скромно, что это только проба, что может быть только в будущем он даст и лицо, и душу алтайца, а теперь по его словам и природа представлена еще не вся и не во всей своей красоте и силе...

Надо надеяться, что после угарного и в большинстве случаев бессодержательного праздничного времяпрепровождения томская публика на выставке Гуркина найдет истинное отдохновение» (СЖ. 1910. № 47).

Финальный абзац приведенного анонса указывает на реалии томской жизни: в том году открытие выставки совпадало с началом Великого Поста (как готовились к нему, можно проследить по рекламе гастрономических товаров в СЖ), а поскольку Масленицу томиичи традиционно праздновали разгульно, то газета гиперболизирует масштаб предстоящего события, предполагая, что выставка должна была подействовать отрезвляюще и заставить подумать о душе. Именно душевностью проникнуты все последующие заметки о выставке, в которых к характеристике художника добавляется эпитет *родной*:

«На выставке Гуркина.

...Желающих приобрести картины и этюды среди зрителей оказалось немало с первого же дня... Настроение публики довольно бодрое, поднятое. Ходко идут фотографические снимки с картин и подлинной природы Алтая... Отрадно, что томская публика так тепло принимает родного художника» (СЖ. 1910. № 50).

Родной, свой среди своих – в воскресный день его выставку посетило около тысячи человек... Контрастна на фоне подобного отношения сибиряков к сибирскому художнику судьба художника из мордовского племени эрзя С.Д. Нефедова (Эрзя). В рубрике «Русская жизнь» СЖ рассказывает о нем в заметке «Русский художник-самоучка в Италии». Талантливый выходец из национальных меньшинств, в нищете добивающийся признания за границей, оторванный от родной почвы, он находится в бедственном положении:

«Небольшой рост, страшная худоба от постоянных голодовок, бледное истощенное лицо, обрамленное длинными светло-русыми волосами и такого же цвета бородкой клином, чудные голубые глаза, грустно и без-

надежно устремленные вдаль, поношенный пиджак поверх синей косоворотки, сбитые сношенные сапоги – вот наружный вид русского мужичка, из глуши Симбирской губ., добравшегося в Милан, чтобы работать и учиться» (СЖ. 1910. № 47).

На этом фоне вернувшийся после учебы в Сибирь образ Гуркина в СМИ являет идеал сибирского областника: на родине он успешен, признан, знаменит, свою родину он воспекает и прославляет, служит ей по мере сил, в частности, оказывая материальную поддержку обучающимся:

«Последний день выставки художника Г.И. Гуркина. Сегодня, 16 марта, в общественном собрании выставка картин художника Г.И. Гуркина будет открыта с 2 ч. дня и до 5 ч. веч., причем весь сбор за 16 марта поступит в пользу высших женских курсов в Томске. Число входных билетов ограничено. В этот последний день выставки художник Гуркин будет давать объяснения сюжетов своих картин лично» (СЖ. 1910. № 59).

(В кратких финансовых отчетах о выставках Гуркина в сибирских городах будет указываться, на какие конкретные цели были сделаны отчисления: в пользу рисовальной школы – в Красноярске; плата за девятерых учеников 5-го класса городского училища – в Иркутске).

В большой статье о выставке 1910 г. Г.Н. Потанин с позиций путешественника – знатока природных объектов Русского Алтая¹ комментирует пейзажные работы своего друга, подчеркивая реалистичность (в отличие от собирательного образа высокогорья Хан-Алтай на выставке 1907 г.) пейзажей и указывая на те трудности, с которыми было связано путешествие художника по Алтаю в 1908 г.:

«...божественно-дикая природа верхов Алтая преобладает над буржуазным теплом низких горизонталей. Снега, снега и снега; целые полотна снегу.

Два больших полотна отданы Белухе. Одно полотно – вид Белухи с севера, с Яломанского перевала (по каталогу № 4). Яломанский перевал находится на гребне Теректинского хребта. Чтобы попасть сюда с бийской равнины, художник должен был сначала подняться на Семинский перевал, спуститься с него в долину Урсула, на дне которой лежит селение Онгудай, а затем опять подняться на горы. На первом плане изображена покрытая альпийской растительностью полянка, на которой стоял художник...» (СЖ. 1910. № 49).

¹ О Русском Алтае в восприятии Г.Н. Потанина см. [21].

Второе направление комментария Потанина – мифопоэтическое:

«На картине Дены-дер (№ 7) изображено альпийское озеро, окруженное высокими горами. Алтайцы различают дены-дер и алыс-дер. Алыс – мифическое место, где вечно царит мучительный полумрак, где никогда не бывает солнца; там обитают злые духи, там любимое место злого Ерлика.

В противоположность алысу местность дены представляется чистою, неоскверненною... Все цело, чисто и непорочно. Одно из таких непорочных альпийских захолустий изображено художником Гуркиным на картине Дены-дер. Перед таким пейзажем останавливаешься с благоговением, точно перед иконой, и наслаждаешься равновесием, которое устанавливается в душе...» (СЖ. 1910. № 49).

Медийный образ художника Гуркина постепенно втягивает на свою орбиту и брата художника – фотографа Степана Ивановича Гуркина. Газеты сообщают, что С.И. Гуркин готовит для продажи к выставкам брата значительное число фоторепродукций и художественных фотоснимков природы Алтая. Апофеозом его деятельности в поддержку брата воспринимается описанная СЖ в заметке «Сибиряки в Москве» рекламная акция, развивающая идеи знаменитого «Сибирского вечера», тщательно подготовленного Г.Н. Потаниным и Г.И. Гуркиным, проведенного и описанного Адриановым (см.: СЖ. 1909. № 38, 39, 41, 42, 46, 48), – шаманское камлание. С.И. Гуркин привез в столицу алтайского шамана и устроил в Политехническом музее, при огромном стечении публики, настоящее шоу:

«В переполненной аудитории г. Гуркин прочел доклад “Алтай и алтайцы” с демонстрацией многочисленных прекрасно выполненных, часто художественно раскрашенных видов и типов Алтая. Лекция продолжалась около 2 часов, и москвичи с напряженным вниманием следили за красотами Алтая, восхищаясь им и удивляясь им.

По окончании доклада на эстраду вышел шаман Болчок в полном шаманском костюме, символизирующем броню для борьбы со злыми духами, и украшенном колокольцами, куклами, лентами-змеями и т.п., с традиционным бубном и колотушкой в руках... По мере того, как движения шамана, вначале вялые и нерешительные, становились быстрыми и все более нервными, и сама публика заражалась его нервозностью, вздрагивала при свисте, криках и, затаив дыхание, слушала песню светлому Ульгеню-хану. Сеанс продолжался минут 8 и, по просьбе Д.Н. Анучина, видевшего волнение публики, г. Гуркин вышел на эстраду и пытался прекратить сеанс. Но шаман не обращал на г. Гуркина внимания, и ему пришлось силой отнять бубен» (СЖ. 1914. № 66).

Томские газеты сообщают об успехе выставок Гуркина в других городах Сибири (в Красноярске и Иркутске). Родной художник все чаще называется «поэтом горных вершин» (Потанин). Далее к образу *родного художника* добавляется новый аспект презентации – в заметке «Алтайский народ накануне новой эры», подписанной В. К-н, Гуркин назван *Моисеем Алтая*, поскольку

«Пробивши себе широкую дорогу из рядов простых алтайцев в среду интеллигенции, Гуркин свой жалкий родной народ старается всеми силами вывести из царивших прежде среди него темноты и невежества и придать ему человеческий облик и достоинство» (СЖ. 1911. № 6).

Газета в русле областнической программы приводит в этой статье примеры заботы Гуркина о пробуждении национального самосознания алтайцев (ходатайства об открытии библиотеки, министерской школы, фельдшерского пункта).

Примером заботы Гуркина о развитии художественных сил Сибири служит заметка «Художник-самоучка», подписанная «Ф. З-н». В ней рассказывается о страстном увлечении рисованием молодого крестьянина из переселенцев с. Боровой Форпост Покровской волости Плотникова, который впервые на выставке Гуркина в Барнауле познакомился с настоящей живописью.

«...художник Г.И. Гуркин рассмотрел привезенные молодым человеком “картины” и заявил художнику-самоучке, что до сего времени молодой человек, охваченный страстью к произведениям живописи, шел по самому ложному пути и делал как раз то самое, чего ни в коем случае не должен был делать. Списывание кистью с олеографий и подобных им лубочных изданий, кроме вреда, ничего ему не могло принести. И тут же Григорий Иванович предложил молодому человеку присматриваться к натуре во всем ее неисчерпаемом разнообразии и из природы брать сюжеты для своих художественных работ» (СЖ. 1911. № 230).

В заметке подчеркивается, что Гуркин всячески ободрил начинающего художника, вселил в него веру в свои силы; работы молодого человека отправляются в Томск Потанину для решения вопроса о практической помощи самоучке.

В статьях и заметках о Гуркине в 1912 г. уже звучит тема мэтра. На наш взгляд, этому во многом способствовало расширение творческого диапазона художника:

– опыт оформления книги томской писательницы А.И. Макаровой-Мирской «Алтайские рассказы» (Харьков, 1912) – единственного издания сибирского автора, имевшего гриф-посвящение цесаревичу-наследнику, вызвавшего волну откликов в столичной прессе (на обложке художник оставил подпись «рисовал алтаец Гуркин»);

– публикация нескольких литературных этюдов в газете «Жизнь Алтая» («Праздник реки Катунь» – 1912. № 70; «Пасха в Аносе» – 1912. № 89; «Озеро Кара-Кол» – 1913. № 97).

Рядом с именем художника начинает упоминаться имя его ученика Кузнецова, а об укрупнении масштаба личности в сибирском культурном пространстве свидетельствуют указания на появление в планах Гуркина заграничных проектов. Так, сообщая, что художник намерен в конце 1912 г. устроить в Томске очередную выставку, СЖ пишет, что в Сибири география экспонирования будет расширена до Владивостока, а далее он намерен организовать

«...кругосветное турне с целью демонстрации своих картин и фотографических снимков. Приблизительный маршрут: Япония, Америка, Лондон, Париж, Берлин и русские столицы. На пути Г.И. Гуркин, между прочим, предполагает писать этюды Байкала, а также и иных мест, природа которых остановит на себе его внимание. Кругосветную поездку Гуркин надеется завершить в течение трех лет» (СЖ. 1912. № 147).

«Художник Гуркин» – заметки с таким названием постоянны в СЖ. От художника ждут изображение Алтая исчерпывающей полноты, основанное на доскональном изучении Алтая и «согретое любовью сына Алтая к своему краю» (СЖ. 1912. № 251). «Наш алтайский Шишкин» – самая популярная персона в информации о культурной жизни губернии. Как знак слиянности образов Алтая с образом живописца можно рассматривать стихотворение А. Пиотровского «По Алтаю», посвященное художнику. Написанное в Аносе, оно перекладывает на язык словесных образов сложившееся к тому времени в Сибири суммарное представление о творчестве алтайского художника и транслирует его в имперское культурное пространство:

*И призрак девственных картин
В моей душе живет поныне.
То блещет вечный снег вершин,
То запоет печаль пустыни...
И я в сердечной глубине*

*Творю священное моление
И шлю восторг и поклоненье
Алтайской дикой стороне!..* [22. С. 41].

К началу коренной ломки всей российской жизни Г.И. Гуркин и в губернском, и в сибирском культурном пространстве прочно занял место первого художника. По определению СМИ, «Гуркин и Алтай стали для Сибири синонимами» (СЖ. 1916. № 79).

Литература

1. 150 лет периодической печати в Сибири: Материалы региональной научной конференции, посвященной 150-летию издания в Сибири «Губернских ведомостей». Томск : ТМЛ-Пресс, 2007. 294 с.
2. *Жулякова Н.В.* Журналистика дореволюционной Томской губернии: идея областничества. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2014. 290 с.
3. *Жулякова Н.В., Шевцов В.В., Евдокимова Е.В.* Периодическая печать Томской губернии (1857–1916 гг.): становление журналистики и формирование регионального самосознания : учеб. пособие. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2015. Т. 1. 292 с.
4. *Жулякова Н.В.* История отечественной журналистики конца XIX – начала XX века : учеб. пособие для академического бакалавриата. 2-е изд., испр. и доп. М. : Юрайт, 2017. 235 с.
5. *Крутовский Вс.* Периодическая печать в Томске // Город Томск. Томск : Изд. Сибирского товарищества печатного дела в Томске, 1912. С. 279–309.
6. *Адрианов А.В.* Периодическая печать в Сибири. Томск : Типо-литография Томской железной дороги, 1919. 31 с.
7. *Ваганова И.В.* Г. Н. Потанин и газета «Сибирская жизнь»: грани сотрудничества // Вестн. Том. гос. ун-та. История. 2011. № 2 (14). С. 83–86.
8. *Адрианов А.В.* Об искусстве в Томске // Город Томск. Томск : Изд. Сибирского товарищества печатного дела в Томске, 1912. С. 337–344.
9. *Потанин Г.Н.* Культурно-просветительные организации // Город Томск. Томск : Изд. Сибирского товарищества печатного дела в Томске, 1912. С. 90–100.
10. Гуркин (родовое имя Чорос) Григорий Иванович // Художники Алтайского края: биобибл. словарь. Т. 1: А–Л. Барнаул : Алтайский Дом печати, 2005. С. 155–177.
11. *Ершов Ю.М.* Локальная журналистика versus столичная: о феномене провинциального сознания в медиасфере // Журналистский ежегодник. 2012. № 1. С. 16–19.
12. *Манилов В.В.* Сибирский анималист А.Э. Мако // Годовой отчет клуба краеведов «Старый Томск» за 2005 г. С. 6–9. URL: http://kraeved.lib.tomsk.ru/files2/426_Otchet_2005.pdf

13. Адрианов А.В. Томская старина // Город Томск. Томск: Изд. Сибирского товарищества печатного дела в Томске, 1912. С. 101–183.

14. Письма Г.Н. Потанина : в 5 т. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1992. Т. 5. 272 с.

15. Шастина Т.П. Г.И. Чорос-Гуркин: от образа современника – к *genius loci* в литературе XX века. Статья 1 // Алтайский текст в русской культуре : сб. науч. ст. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2015. Вып. 6. С. 400–415.

16. Еркинова Р.М. Г.Н. Потанин и Г.И. Чорос-Гуркин // Г.Н. Потанин и народы Алтае-Саянского горного региона: через поколения в будущее. Горно-Алтайск, 2005. С. 48–57.

17. Шевцов В.В. Николай Алексеевич Костров – автор неофициальной части «Томских губернских ведомостей» в 1866–1881 гг. // Журналистика провинции: альманах. Ставрополь : Ставропольский гос. ун-т, 2011. Вып. 7. С. 90–100.

18. Жиликова Н.В. Диалог русской и инородческой культур на страницах периодической печати Томской губернии (конец XIX начало XX века) // Вестн. Новосибир. гос. ун-та. Сер.: История, филология. 2016. Т. 15, № 6. С. 19–25.

19. Национальная идентичность в зеркале топонимии (Горный Алтай) : коллективная монография. Горно-Алтайск : РИО Горно-Алтайского гос. ун-та, 2016. 150 с.

20. Памятная книжка Томской губернии на 1904 год. Томск : Товарищество «Печатня С.П. Яковлева» (Губернская типография), 1904. 689 с.

21. Шастина Т.П. Русский Алтай в рецепции Г.Н. Потанина-путешественника // Россия – Италия – Германия: литература путешествий. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2013. С. 301–314.

22. Пиотровский А. По Алтаю // Алтайский альманах. СПб. : Типография Б.М. Вольфа, 1914. С. 39–41.

A MEDIA PERSON IN THE CULTURAL SPACE OF TOMSK PROVINCE IN THE EARLY 20TH CENTURY: THE ARTIST G.I. GURKIN

Voprosy zhurnalistiki – Russian Journal of Media Studies. 2018. 4. pp. 118–136.

Tatyana P. Shastina, Gorno-Altai State University (Gorno-Altai, Russian Federation). E-mail: tshliteratura@mail.ru

DOI: 10.17223/26188422/4/6

Keywords: G.I. Gurkin, G.N. Potanin, artist, Altaian, image of Altai, *Sibirskaya Zhizn*.

The paper presents an experience of introduction of a character-related part into the media image of the real world of Tomsk Province of the beginning of the 20th century. The example of representation of G.I. Gurkin, an Altaian artist, the first professional artist among the Siberian non-Russians, the formation of the media personality in mass media is traced on the Siberian scale. The materials of the newspapers *Sibirskaya Zhizn*, *Sibirskaya Gazeta*, *Tomskiye Gubernskiye Vedomosti* and *Tomskiye Yeparkhal'nyye Vedomosti* are chosen to study the methods of a purposeful develop-

ment of the image of Gurkin as the most famous person among the Siberian non-Russians. The research notes that it was G.N. Potanin who first made Gurkin a part of the social life of Tomsk. The newspapers described the artist as Potanin's close friend and as an owner of a house in a small village of Anos that became a center of scientific life of the whole province every summer. Local farmers from Chemal and other neighboring villages could freely visit Gurkin's painting workshop, and this helped to realize the cultural and educational potential of the artist's house.

In the paper, Gurkin's status of an iconic figure in the cultural space of the province is treated as a result of the purposeful work of mass media. Since the beginning of the 20th century, the newspapers carefully observed and covered the creative path of the artist: he was first introduced as an exotic talented person from a remote part of the province, an Altaian, a student of a missionary school, a painter of I.I. Shishkin's school. At the next stage, Gurkin was presented as an ideal of Siberian oblastniks: a talented Siberian man, who decided to come back to Siberia from the capital, who was willing to serve for his people with his art. Gradually, this image found its place in a number of cultural events of Tomsk, and when the newspapers wrote about Gurkin, the epithet *famous* always preceded the painter's name. *Sibirskaya Zhizn'* announced and reported about Gurkin's personal exhibitions, informed readers about his plans, about the details and the results of his trips across the Altai, published the artist's first literary works, described his house in Anos, mentioned the well-known Tomsk residents who came to visit him, who stopped in Anos during scientific expeditions. The name of the painter and the image of the Altai praised in his works soon appeared in the newspapers of Barnaul. The author of the paper concludes that by the middle of the second decade of the 20th century the image of Gurkin in the media space merged with the picturesque image of the high Altai mountains the artist created himself. Therefore, Gurkin became a genius of the Altai (the image "Gurkin is the bard of the Altai"), and thanks to him the Altai was understood as a place in Tomsk Province that possesses the most powerful aesthetic and mythogenic potential.

References

1. Shevtsov, V.V. et al. (eds) (2007) *150 let periodicheskoy pechati v Sibiri: Materialy regional'noy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 150-letiyu izdaniya v Sibiri "Gubernskikh vedomostey"* [150 years of the periodical press in Siberia: Proceedings of the regional scientific conference dedicated to the 150th anniversary of the publication in Siberia of Gubernskie Vedomosti]. Tomsk: Izd-vo "TML-Press".
2. Zhilyakova, N.V. (2014) *Zhurnalistika dorevolyutsionnoy Tomskoy gubernii: ideya oblastnichesva* [Journalism of the pre-revolutionary Tomsk Province: the idea of regionalism]. Tomsk: Tomsk State University.
3. Zhilyakova, N.V., Shevtsov, V.V. & Yevdokimova, Ye.V. (2015) *Periodicheskaya pechat' Tomskoy gubernii (1857–1916 gg.): stanovleniye zhurnalistiki i formirovaniye regional'nogo samosoznaniya* [Periodical press of Tomsk Province (1857–1916): the development of journalism and the formation of regional self-consciousness]. Vol. 1. Tomsk: Tomsk State University.

4. Zhilyakova, N.V. (2017) *Istoriya otechestvennoy zhurnalistiki kontsa XIX – nachala XX vekov* [The history of national journalism of the late 19th -- early 20th centuries]. 2nd ed. Moscow: Izd-vo “Yuray”.
5. Krutovskiy, V. (1912) Periodicheskaya pechat' v Tomske [Periodical press in Tomsk]. In: *Gorod Tomsk* [The city of Tomsk]. Tomsk: Izd. Sibirskogo tovarishchestva pechatnogo dela v Tomske. pp. 279–309.
6. Adrianov, A.V. (1919) *Periodicheskaya pechat' v Sibiri* [Periodical press in Siberia]. Tomsk: Tipo-litografiya Tomskoy zheleznoy dorogi.
7. Vaganova, I.V. (2011) G.N. Potanin and the newspaper the Siberian Life: sides of cooperation. *Vestn. Tom. gos. un-ta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 2 (14). pp. 83–86. (In Russian).
8. Adrianov, A.V. (1912) Ob iskusstve v Tomske [On art in Tomsk]. In: *Gorod Tomsk* [The city of Tomsk]. Tomsk: Izd. Sibirskogo tovarishchestva pechatnogo dela v Tomske. pp. 337–344.
9. Potanin, G.N. (1912) Kul'turno-prosvetitel'nyye organizatsii [Cultural and educational organizations]. In: *Gorod Tomsk* [The city of Tomsk]. Tomsk: Izd. Sibirskogo tovarishchestva pechatnogo dela v Tomske. pp. 90–100.
10. Bordyukova, N.A. & Stepankaya, T.V. (eds) (2005) Gurkin (rodovoye imya Choros) Grigoriy Ivanovich [Grigory Gurkin (family name Choros)]. In: *Khudozhniki Altayskogo kraya: biobibliogr. slovar'* [Artists of Altai Krai: A biobibliographic dictionary]. Vol. 1. Barnaul: Altayskiy Dom pechaty.
11. Yershov, Yu.M. (2012) Lokal'naya zhurnalistika versus stolichnaya: o fenomene provintsial'nogo soznaniya v mediasfere [Local versus metropolitan journalism: on the phenomenon of provincial consciousness in the media sphere]. *Zhurnalistkiy yezhegodnik*. 1. pp. 16–19.
12. Manilov, V.V. (2005) Sibirskiy animalist A.E. Mako [Siberian animal painter A.E. Mako]. In: *Godovoy otchet kluba krayevedov “Staryy Tomsk” za 2005 g.* [Annual report of the local history club “Old Tomsk” for 2005]. pp. 6–9. [Online] Available from: http://kraeved.lib.tomsk.ru/files2/426_Otchet_2005.pdf.
13. Adrianov, A.V. (1912) Tomskaya starina [Tomsk Ancient Times]. In: *Gorod Tomsk* [The city of Tomsk]. Tomsk: Izd. Sibirskogo tovarishchestva pechatnogo dela v Tomske. pp. 101–183.
14. Koval', S.V. et al. (1992) *Pis'ma G.N. Potanina. V 5 t.* [Letters of G.N. Potanin. In 5 vols]. Vol. 5. Irkutsk: Irkutsk State University.
15. Shastina, T.P. (2015) G.I. Choros-Gurkin: ot obraza sovremennika – k genius loci v literature XX veka. Stat'ya I [G.I. Choros-Gurkin: from the image of a contemporary to the genius loci in the literature of the twentieth century. Article I]. In: Grebneva, M.P. (ed.) *Altayskiy tekst v russkoy kul'ture* [Altai text in Russian culture]. Is. 6. Barnaul: Altai State University.
16. Yerkinova, R.M. (2005) G.N. Potanin i G.I. Choros-Gurkin [G.N. Potanin and G.I. Choros-Gurkin]. *G.N. Potanin i narody Altaye-Sayanskogo gornogo regiona: che-*

rez pokoleniya v budushcheye [G.N. Potanin and the peoples of the Altai-Sayan mountain region: through generations into the future]. Proceedings of the Conference. Gorno-Altai: Gorno-Altai State University. pp. 48–57. (In Russian).

17. Shevtsov, V.V. (2011) Nikolay Alekseyevich Kostrov – avtor neofitsial'noy chasti “Tomskikh gubernskikh vedomostey” v 1866–1881 gg. [Nikolai Kostrov, the author of the unofficial part of Tomskiye Gubernskiye Vedomosti in 1866–1881]. In: *Zhurnalistika provintsii: al'manakh* [Journalism of the province: An almanac]. Is. 7. Stavropol: Stavropol State University. pp. 90–100.

18. Zhilyakova, N.V. (2016) Dialogue of Russian and other folks cultures in the Tomsk Province periodical press (late 19th -- early 20th centuries). *Vestn. Novosib. gos. un-ta. Seriya: Istoriya, filologiya – Novosibirsk State University Bulletin. Series: History and Philology*. 15 (6). pp. 19–25. (In Russian).

19. Alekseev, P.V. (ed.) (2016) *Natsional'naya identichnost' v zerkale toponimii (Gornyy Altay)* [National Identity in the Mirror of Toponymy (Gorny Altai)]. Gorno-Altai: Gorno-Altai.

20. Gubernskaya tipografiya. (1904) *Pamyatnaya knizhka Tomskoy gubernii na 1904 god* [The memorial book of Tomsk Province for 1904]. Tomsk: Tovarishchestvo “Pechatnya S.P. Yakovleva” (Gubernskaya tipografiya).

21. Shastina, T.P. (2013) Russkiy Altay v retseptsii G.N. Potanina-puteshestvennika [Russian Altai in the reception of G.N. Potanin as a traveler]. In: Lebedeva, O.B. (ed.) *Rossiya – Italiya – Germaniya: literatura putestestviy* [Russia -- Italy -- Germany: Travel Literature]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 301–314.

22. Piotrovskiy, A. (1914) Po Altayu [Around the Altai]. In: *Altayskiy al'manakh* [Altai Almanac]. St. Petersburg: Tipografiya B.M. Vol'fa. pp. 39–41.